

таково: *ὁμήρου ὕμνοι εἰς ἀπόλλωνα* или *ὕμνοι ὁμήρου εἰς τὸν ἀπ.*, но указывает ли оно на то, что здѣсь имѣлось въ виду не одно, а два или нѣсколько стихотвореній, это, какъ мы знаемъ (срв. стр. 22, 55),—дѣло темное.

4.

Гимнъ къ Гермесу *).

(№ II).

Живой юморъ, столь свойственный природѣ грека, оставилъ неизгладимые слѣды даже въ стихотвореніяхъ, трактующихъ такіе важные сюжеты, какъ установленіе культовъ элевсинскаго, делійскаго и пифійскаго: припомнимъ хотя бы сцену встрѣчи Деметры съ дочерью Келея и шутки Ямбы — въ гомерическомъ гимнѣ къ Деметрѣ, разговоръ Латоны съ Делосомъ и эпизодъ о критскихъ морякахъ — въ большомъ аполлоновомъ проэміи. Но ни одно изъ произведеній нашей коллекціи не запечатлѣно этимъ духомъ безпечной веселости, остроумія, дѣтски-свѣжей, игривой фантазіи и добродушной проны въ такой мѣрѣ, какъ знаменитый гимнъ къ Гермесу, подлежащій теперь нашему разсмотрѣнію.

Гимнъ этотъ, къ сожалѣнію, дошелъ до насъ въ крайне извращенномъ видѣ. Рядъ явныхъ искаженій въ его текстѣ нарушаетъ плавное теченіе превосходно задуманнаго разсказа и вредитъ общему впечатлѣнію цѣлаго. Зачастую рукописная традиція не даетъ никакого смысла, и читателю приходится выбирать по своему вкусу какую нибудь конъектуру, рискуя запутаться въ лабиринтѣ кривыхъ толковъ и произвольныхъ предположеній. Еще чаще присутствіе порчи чувствуется имъ какъ бы инстинктивно,—смыслъ, допускаемый текстомъ,

*) Кромѣ сочиненій, указанныхъ у Гемолля (стр. 181), см. по этому вопросу: A. Ludwich Ist der homerische Hymnos auf Hermes contaminirt? (N. Jahrb., 1886, стр. 433 сл.); его-же Zum hom. Hermes hymnos (N. Jahrb., 1887, стр. 12, 103 сл., 239; 1888, стр. 564); его-же рецензія на изданіе Гемолля (Berl. phil. Wochenschr. 1887, стр. 5 сл., 37 сл.); его-же Angebliche Widersprüche im hom. Hermes hymnos (N. Jahrb. 1887, стр. 321); его-же Die Lyra des Hermes (Berl. phil. Wochenschr. 1888, стр. 1162); R. Peppmüller Zum hom. Hermes hymnos (N. Jahrb. 1887, стр. 201); O. Seeck Die Quellen der Odyssee (Berl. 1887. Стр. 380 сл.). Относящейся сюда же статьи Бюхелера въ боннскомъ Ind. lect. hib. (1878) я подъ руками не имѣлъ и точнаго заглавія ея не знаю.

его не удовлетворяетъ, — онъ ошущю старается разобратъся среди противорѣчій, невыдержанностей, пропусковъ и непослѣдовательностей, представляющихся въ гимнѣ на каждомъ шагѣ, и изъ этой борьбы съ непобѣдимыми трудностями выносить чувство досады и разочарованія. Тѣмъ не менѣе достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ стихотвореніемъ, чтобы съ увѣренностью сказать, что оно вышло изъ-подъ пера недюжиннаго мастера: оно блещетъ оригинальностью, рѣдкимъ искусствомъ композиціи и изяществомъ стиля, и тѣмъ горестнѣе невозможно возстановить этотъ замѣчательный поэтический памятникъ въ его первоначальной красотѣ, освободить его отъ всего подложнаго и возвратитъ ему его подлинный видъ.

Авторъ гимна избралъ себѣ интересную и благодарную задачу. Онъ задумалъ представить своимъ слушателямъ исторію первыхъ подвиговъ Гермеса, — тѣхъ самыхъ подвиговъ, благодаря которымъ этотъ хитрый богъ воровства, торговли, промышленности и изобрѣтательности сразу завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ средѣ олимпійскихъ божествъ и приобрѣлъ дружбу Аполлона. Такимъ образомъ основное содержаніе стихотворенія долженъ былъ составить извѣстный миѳъ объ учиненной героемъ его покражѣ аполлоновыхъ коровъ, и поэту предоставлялась возможность въ цѣломъ рядѣ забавныхъ сценъ яркими чертами обрисовать изворотливую и пронырливую натуру Гермеса, — этой популярнѣйшей фигуры греческаго пантеона.

Самый миѳъ о покражѣ коровъ заключаетъ уже въ себѣ единство. Краткое изложеніе гимна, надѣюсь, покажетъ читателю, что и это произведеніе въ цѣломъ также обнаруживаетъ строгое внутреннее единство.

Сынъ горной килленской нимфы Маи и Зевса, — Гермесъ родился въ Аркадіи. Съ самыхъ первыхъ минутъ своего существованія онъ былъ одаренъ божественнымъ могуществомъ и сверхъестественною силою: на зарѣ увидѣлъ свѣтъ, въ полдень уже изобрѣлъ кивару²⁶⁹⁾ (излюбленный музыкальный инструментъ грека), а вечеромъ, изподтишка выкравшись изъ своей дѣтской постельки, умудрился угнать пасшееся въ Піэріи аполлоново стадо.

²⁶⁹⁾ Инструментъ, изобрѣтеніе котораго приписывалось Гермесу, носитъ въ гимнѣ троякое названіе, — *φόρμιγξ* (ст. 64, 506), *λύρα* (ст. 422) и *κίθαρις* (ст. 499, 509, 515). Объ этихъ названіяхъ см. Flach Lyrik, стр. 80 слл.

Вотъ какъ все это произошло.

Полежавъ нѣсколько времени въ колыбели, малютка-богъ задумалъ похитить священныхъ коровъ Аполлона и въ поискахъ за ними перешагнуть черезъ порогъ материнской пещеры. При выходѣ изъ нея попадаетъ ему подъ ноги черепаха, медленно ползущая по землѣ. „Ба! славная находка,—ты мнѣ пригодишься“, думаетъ онъ и, захвативъ животное, возвращается въ пещеру. Здѣсь онъ немедленно убиваетъ черепаху и изъ щита ея изготовляетъ семиструнную лиру, заранѣе тѣшась мыслью о томъ, какое громадное богатство сумѣетъ онъ пріобрѣсти при помощи этой небольшой игрушки. Затѣмъ, испробовавши плектромъ тонъ инструмента, онъ начинаетъ подъ звуки струнъ воспѣвать любовь Зевса къ матери своей, прекрасной нимфѣ Маѣ, и собственное рожденіе. Но вотъ пѣснь окончена, а тѣмъ временемъ планъ задуманнаго похищенія созрѣлъ. Гермесъ оставляетъ свою лиру въ колыбели и устремляется въ путь (стт. 1—67).

Геліосъ скрылся уже со своими конями и колесницею въ волнахъ океана, когда онъ достигъ тѣнистыхъ возвышенностей Піэріи, гдѣ паслись священные стада боговъ. Тотчасъ же отобралъ онъ здѣсь для себя пятьдесятъ коровъ и, поворотивъ ихъ хвостами впередъ, а себѣ на ноги одѣвъ сплетенныя изъ длинныхъ вѣтвей сандаліи,—все это съ цѣлью скрыть слѣды и сбить съ толку преслѣдователя,—погналъ свою добычу по направленію къ Пилосу. Дорога была пустынна и безлюдна, и никто не примѣтилъ вора. Только близъ Онхеста, въ Беотіи, повстрѣчался богу какой то старикъ, работавшій еще, не смотря на позднюю пору, въ своемъ виноградникѣ; но Гермесъ не смутился и строго приказалъ ему держать языкъ за зубами: „ты, молъ, чтò и видѣлъ,—не видѣлъ, будь глухъ, хоть бы что и услышалъ, знай про себя да молчи, пока самъ не терпишь убытка“ (стт. 68—93).

Такимъ образомъ безъ всякой помѣхи и еще до зари возвратился онъ къ берегамъ Алфея, гдѣ и припряталъ въ хлѣвѣ уворованное стадо. При этомъ двухъ коровъ онъ отдѣлилъ, закололъ и, разложивши костеръ, изжарилъ; затѣмъ раздѣлилъ мясо на двѣнадцать частей по числу двѣнадцати олимпійскихъ боговъ, развѣсилъ шкуры на скалѣ и, побѣдивъ въ себѣ раззадоренный запахомъ говядины аппетитъ, сжегъ остатки ²⁷⁰⁾;

²⁷⁰⁾ Объясненіе загадочныхъ дѣйствій божества см. у Гемолля, стр. 174, 216 (къ ст. 28).

наконецъ, развѣявши пепель по вѣтру и забросивши свою импровизированную обувь въ рѣку, тихомолкомъ пробрался назадъ въ пещеру и, какъ ни въ чемъ не бывало, улегся въ свою колыбельку съ лирою въ лѣвой рукѣ (стт. 94—153).

Быстро и ловко обдѣлалъ свое дѣло Гермесъ, — но ему не удалось утаиться отъ матери. „Проныра, безстыдникъ“, напустилась на него Мая: „откуда это явился ты въ ночную пору? Смотри, не минуешь ты рукъ Аполлона, отучить онъ тебя воровать! Несчастный, на горе безсмертнымъ и смертнымъ родиль тебя отецъ!“ Но бесполезны угрозы и брань: спокойно и разсудительно богъ начинаетъ доказывать нимфѣ, что дѣйствовать такъ, какъ онъ, — это единственный путь къ достиженію равныхъ съ другими богами даровъ и почестей, что иначе они изъ своей мрачной пещеры никогда не выбьются и что, если Аполлонъ станетъ его преслѣдовать, то онъ оплатитъ ему тѣмъ, что разграбитъ наконецъ и дельфійское святилище, гдѣ собрано немало дорогихъ треножниковъ и котловъ, золота, желѣза и тонкихъ тканей (стт. 154—181).

Между тѣмъ наступило утро и Аполлонъ хватился своего стада. Стремительно бросился онъ на розыски и въ Онхестѣ повстрѣчалъ того самого старика, который былъ единственнымъ свидѣтелемъ происшествія. Правда, послѣдній отвѣчалъ на разспросы бога уклончиво и неохотно, тѣмъ не менѣе изъ словъ его вѣщій Фэбъ тотчасъ же усмотрѣлъ, кто былъ виновникомъ покражи, и, подивившись причудливымъ слѣдамъ, оставленнымъ на пескѣ необыкновенными сандалями Гермеса, направился въ Аркадію, къ благовонной пещерѣ Май (стт. 182—234).

При видѣ гнѣвнаго божества Гермесъ поспѣшилъ завернуться въ пеленку, припряталъ подъ нею свою лиру и притворился спящимъ. Напрасно Летоидъ пошарилъ во всѣхъ тайникахъ обширнаго помѣщенія нимфы, но, нигдѣ не нашедши пропажи, прямо обратился къ колыбели и угрожающимъ тономъ потребовалъ отъ плутишки возвращенія украденнаго. Тщетны всѣ увѣренія, всѣ клятвы, — Аполлонъ остается непреклоненъ и, выхвативъ маленькаго вора изъ его постели, выносить его на рукахъ изъ пещеры въ надеждѣ, что тотъ укажетъ ему мѣсто, гдѣ спрятаны коровы. Тогда Гермесъ вдругъ издаетъ непристойный звукъ и вслѣдъ затѣмъ чихаетъ. Озадаченный Аполлонъ спускаетъ свою ношу на землю, но, какъ богъ вѣдовства, тотчасъ же шутливо замѣчаетъ, что во всемъ этомъ кроется счастливое для

него предзнаменованіе и что теперь уже навѣрное Гермесъ откроетъ ему, куда дѣвалось его стадо. Тотъ снова клятвенно завѣряетъ своего преслѣдователя въ полной своей невинности и наконецъ настаиваетъ, чтобы дѣло было перенесено на судъ самого Зевса (стт. 235—312).

Послѣ этого, не переставая пререкаться, божества устремляются къ Олимпу. Здѣсь, передъ престоломъ Кронида, потерпѣвшій приносить жалобу на похитителя, и отецъ безсмертныхъ и смертныхъ приказываетъ послѣднему, не смотря на его краснорѣчивую защиту, удовлетворить справедливое требованіе обиженнаго. Такимъ образомъ рушатся всѣ надежды Гермеса. Однако онъ не унываетъ и, не смѣя послушаться зевсова повелѣнія, ведетъ Летоида обратно къ Пилосу, — туда, гдѣ скрылъ онъ прошлую ночью свою добычу. Но въ ту самую минуту, когда Аполлонъ хочетъ уже взять свое стадо и начинаетъ спутывать животныхъ (?), изворотливый сынъ Маи вынимаетъ прибереженную на этотъ случай лиру и подъ звуки струнъ заводитъ чудесную пѣсню. Аполлонъ въ восторгѣ, — отъ его гнѣвнаго расположенія духа не осталось и слѣда. Онъ спѣшитъ предложить своихъ коровъ въ обмѣнъ на дивный инструментъ и торжественно обѣщаетъ обезпечить за изобрѣтателемъ почетное мѣсто въ ряду безсмертныхъ боговъ. Немедленно же вручаетъ онъ Гермесу пастушескій бичъ и, получивъ киеару, учится перебирать струны: поочередно дотрогивается до каждой изъ нихъ плектромъ и извлекаетъ нѣжные звуки, которымъ вторитъ его пѣніе (стт. 313—501).

Итакъ, пустивъ стадо на пастбище, примиренныя божества въ любви и согласіи возвращаются на Олимпъ. Въмѣсто киеары неистощимый на выдумки Гермесъ изобрѣтаетъ себѣ другой музыкальный инструментъ, — пастушью свирѣль. Вдобавокъ онъ получаетъ еще отъ Аполлона въ знакъ вѣчной дружбы золотой магическій жезлъ, оракулъ Өрій и господство надъ всѣми животными, самъ же даетъ ему торжественное обѣщаніе не посягать впередъ болѣе на достояніе своего брата и друга и предоставить ему спокойно пользоваться киеарою и лукомъ (стт. 503—573).

Такъ возникъ неразрывный союзъ между Аполлономъ и Гермесомъ, утвержденный и самимъ Зевсомъ. Съ тѣхъ поръ сынъ Маи находится въ постоянномъ общеніи съ безсмертными и смертными, — приноситъ иногда послѣднимъ кое-какую пользу, но гораздо больше вредитъ имъ, особенно ночью (стт. 574—578).

Въ концѣ гимна находимъ обычную формулу: „радуйся же, чадо Зевса и Маи! Помянувъ о тебѣ, перейду теперь къ другому сюжету“ (стт. 579 сл.).

* * *

Гроддекъ первый обратилъ вниманіе на существенную разницу между начальною и бѣльшею частью памятника (стт. 1—507) съ одной стороны и его заключеніемъ (стт. 508—580) — съ другой: „hoc loco (разумѣются приблизительно стихи 503—507) accuratius inspecto, — читаемъ у него, — quin hymnum finiri credam, vix mihi temperare possum. Quae jam sequuntur inde a v. 508, haud dubie alterius hymni fragmenta sunt, nec haec quidem inter se cohaerentia“²⁷¹⁾.

Печальное состояніе нашего текста, особенно испорченнаго именно въ концѣ, немало способствовало тому, что это мнѣніе нашло многихъ приверженцевъ. Единство гимна сдѣлалось такимъ образомъ вопросомъ спорнымъ, и уже Маттіэ высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, только половина или даже всего одна треть стихотворенія подлинна и что и въ той его части, которую Гроддекъ оставилъ въ неприкосновенности, врядъ ли возможно усматривать нѣчто единое и цѣльное. Напротивъ, подробный анализъ памятника со стороны содержанія и формы могъ бы, по убѣжденію Маттіэ, ясно показать, что въ своемъ настоящемъ видѣ онъ сплошь, отъ начала до конца, наполненъ болѣе или менѣе обширными вставками, превратившими простую и стройную основу древнѣйшаго проэмія въ честь Гермеса въ цѣлый циклъ мифовъ, относящихся къ этому божеству²⁷²⁾. Подобнаго же воззрѣнія держался и Германнъ. Онъ находилъ въ текстѣ разсматриваемаго гимна слѣды трехъ послѣдовательныхъ рецензій, — другими словами, трехъ коренныхъ и полныхъ переработокъ одного и того же сюжета разными авторами, — да сверхъ того еще много незначительныхъ добавленій, сдѣланныхъ руками грамматиковъ и переписчиковъ²⁷³⁾.

Мнѣнія, высказанныя столь авторитетными критиками, не остались безъ воздѣйствія на позднѣйшихъ изслѣдователей, и немногіе уже имѣли мужество послѣ Германна отстаивать единство стихотворенія.

²⁷¹⁾ Groddeck op. l. p. 36.

²⁷²⁾ Matthiae Animadv. p. 34—56.

²⁷³⁾ Hermann Ep. ad Ilgen. p. XII sqq., p. XXXVI—LXXXIX.

До послѣдняго времени такими защитниками единства были только трое ученыхъ, — Франке, Мьюръ и Баумейстеръ. Къ числу ихъ нынѣ примкнули Гемолль и А. Лудвихъ. Несравненно богаче адептами оказалась атомистическая или контаминаціонная теорія, сторонниками которой заявили себя Шнейдевинъ, Велькеръ, Грефе, (Greve), Бергъ, Лозе, (Lohsee), Виндишъ, Буркгардтъ, Зиттль, Абель, Зеекъ и др. Необходимо, стало быть, прислушаться къ голосу обѣихъ сторонъ и постараться безпристрастно взвѣсить приводимые каждою изъ нихъ въ свою пользу аргументы.

По словамъ Маттіэ, котораго мы вправѣ поставить во главѣ атомистовъ, первое, что должно непремѣнно поселить въ читателѣ сомнѣніе относительно цѣлости гимна, это — удивительное разнообразіе его содержанія, дѣлающее будто бы весьма затруднительнымъ самое опредѣленіе основной темы. Читатель подавленъ массою эпизодовъ, между которыми трудно уловить какую-либо внутреннюю связь кромѣ развѣ той, какая существуетъ напр. между однородными сказаніями въ сборникахъ мнѳографовъ (*Animadv.* p. 37). Къ этому присоединяется множество несогласимыхъ между собою противорѣчій въ текстѣ, крайняя неровность изложенія, то живого, остроумнаго и увлекательнаго, то вялаго, безсодержательнаго и безцвѣтнаго, неодинаковость самаго языка, то чистаго, блестящаго, почти гомеровскаго, то тяжелаго, шероховатаго, часто даже какъ бы совсѣмъ не греческаго, наконецъ присутствіе ненужныхъ подробностей и повтореній (*ibid.* p. 38 et pass.). Все это вмѣстѣ естественно вызываетъ на попытку очистить столь очевидно искаженный памятникъ отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей, отъ всего, что носитъ на себѣ замѣтный слѣдъ поддѣлки, что составляетъ рѣзкое уклоненіе въ сторону отъ главнаго предмета рѣчи и безъ нужды растягиваетъ произведеніе, вредя его цѣльности, — другими словами, возстановить гимнъ въ той формѣ, въ какой существовалъ онъ, прежде чѣмъ коснулись его дерзкія руки діаскевастовъ и интерполяторовъ.

Задача нелегкая, но Маттіэ не остановился передъ ея осуществленіемъ. Онъ выдѣлилъ изъ стихотворенія сперва всѣ по его мнѣнію несомнѣнныя вставки, — въ общей сложности 211 стиховъ, — затѣмъ цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, которыя, правда, по его собственному признанію безусловно необходимы въ экономіи произведенія, но, судя

но многимъ признакамъ, все таки не могутъ принадлежать первоначальному автору, а обязаны своимъ происхожденіемъ желанію позднѣйшихъ справщиковъ текста пополнить найденные въ немъ пропуски и недомолвки, — и такимъ образомъ въ концѣ концовъ получилъ остатокъ въ триста слишкомъ стиховъ, заключающій въ себѣ кромѣ небольшого вступленія (стт. 1 — 23) одинъ только рассказъ о покражѣ коровъ и ихъ возвращеніи первоначальному владѣльцу. Изобрѣтеніе лиры (стт. 24 — 66), разговоръ Гермеса съ онхестскимъ виноградаремъ (стт. 87 — 95), несовсѣмъ пристойный рассказъ о *πορδῆ* и *πταριός* маленькаго вора (стт. 294 — 307), передача киеары Аполлону (стт. 409 — 500) и почти вся заключительная часть гимна (начинающая отъ ст. 504), — все это оказалось лишнимъ, нарушающимъ единство, расторгающимъ связь между отдѣльными звеньями основной фабулы.

Не менѣе рѣшительно дѣйствовалъ и другой представитель атомистической теоріи, знаменитый Отфр. Германнъ. Подобно Маттіэ онъ также стремился выдѣлить изъ стихотворенія съ довольно пестрымъ содержаніемъ простѣйшую основу и ради этого подвергъ атетезѣ добрую треть традиціоннаго текста, какъ результатъ позднѣйшихъ рецензій. Гимнъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, по мнѣнію Германна, долженъ былъ повѣствовать о томъ, какъ Гермесъ похитилъ коровъ Аполлона и какъ послѣдній, открывъ и уличивъ вора, согласился въ обмѣнъ на изобрѣтенную имъ киеару добровольно уступить ему его добычу съ придачею пастушескаго бича. Какойнибудь рапсода, продолжая далѣе Германнъ, могъ, рецитируя впоследствии стихотвореніе, распространить его вторую часть на основаніи иной версіи преданія, и вотъ возникло то мѣсто нашего памятника, гдѣ говорится о поползновеніяхъ Гермеса отнять у Аполлона кромѣ стада еще и пророческій его даръ и о полученіи имъ отъ бога вѣдовства магической палочки и оракула Θρίй. Въ этомъ дополненномъ видѣ гимнъ повидимому перешелъ къ новому интерполятору, въ свою очередь измѣнившему и добавившему въ немъ многія подробности, а затѣмъ наконецъ попалъ въ руки какого то грамматика, который, пользуясь древнѣйшею и позднѣйшею рецензіями его да вдобавокъ еще текстомъ малаго гимна къ Гермесу, придавъ стихотворенію ту приблизительно форму, въ какой оно сохранилось до сего дня (ор. I. р. LXXI sqq.).

Это слѣдовательно, какъ говоритъ Гораций, — „*carmen operosum*“, — произведение, стоившее немалого труда нѣсколькимъ поколѣніямъ, явившееся плодомъ творческой дѣятельности цѣлой группы лицъ, часто носящее поэтому на себѣ среди яркихъ проблесковъ сильнаго поэтического таланта слѣды неумѣлой работы бездарныхъ версификаторовъ, — такъ сказать, родъ литературной мозаики, матеріаломъ для которой послужили самые разнокалиберные смальты.

Къ направленію Германа примкнули Виндишъ, Грефе, Гуттманнъ и отчасти О. Зеекъ. Мозаичный характеръ памятника былъ признанъ этими учеными, какъ очевидный фактъ, и сдѣлана была даже попытка доказать, будто бы и самый языкъ атетируемыхъ мѣстъ свидѣтельствуетъ о разновременномъ ихъ происхожденіи, — другими словами, о томъ, что все это — поздніе и случайные наросты, изуродовавшіе первоначальную композицію поэмы, какъ уродуютъ картину хорошаго мастера грубые мазки неискускаго реставратора.

Несомнѣнными крупными продуктами интерполяціи, — чтобы не говорить объ атетезахъ, касающихся отдѣльных стиховъ, — названные представители контаминаціонной теоріи считаютъ между прочимъ эпизодъ объ изобрѣтеніи кивары и всю послѣднюю часть гимна (начиная съ 508 стиха), въ коей ими усматривается цѣлый рядъ безсвязныхъ фрагментовъ. „Разсказъ объ изобрѣтеніи кивары“, говоритъ Маттіэ (стр. 40), „представляетъ уклоненіе отъ темы и написанъ слогомъ, слишкомъ неподходящимъ къ слогу вступленія и тѣхъ мѣстъ, которыя относятся къ похищенію коровъ, а именно — принужденнымъ, изысканнымъ, тяжелымъ. Къ тому же разсказъ этотъ присоединенъ къ предыдущему стихомъ (24) крайне безвкуснымъ, касательно котораго я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ прибавленъ только ради связи и притомъ человѣкомъ, лишеннымъ всякаго художественнаго чутія (*ab homine omnis elegantiae experti*)“. На подобные же мотивы опираетъ свое сужденіе и Германнъ. Ему кажется страннымъ, что, начавъ толковать о похищеніи стада, поэтъ тотчасъ же дѣлаетъ отступленіе и заставляетъ своего героя дѣйствовать вопреки всѣмъ ожиданіямъ читателя (стр. XLII сл.): „*habet aliquid perversitatis haec ratio*“, замѣчаетъ онъ: „*cum boves quaerit Mercurius et tamen eas non quaerit sed citharam facit.*“ Грефе (*De hymno in Merc. hom. Münster. 1867*, стр. 18 сл.) къ этому добавляетъ, что, если разсмотрѣть подозрительное

мѣсто со стороны языка, то и тутъ окажется, что оно замѣтно отличается отъ прочихъ частей стихотворенія, — что оно моложе общей основы гимна и, стало быть, представляетъ очевидную вставку. Не упущено также изъ вида и другое соображеніе. У Аполлодора, которому, какъ мы знаемъ (см. выше стр. 20), большинствомъ ученыхъ приписывается широкое пользованіе гомерическою коллекціею гимновъ, рассказъ объ изобрѣтеніи кивары слѣдуетъ уже послѣ рассказа о похищеніи стада и умерщвленіи двухъ коровъ. На основаніи этого различія Виндишъ (op. s. l. p. 37) полагаетъ, что весь спорный эпизодъ читается нынѣ въ гимнѣ не на томъ мѣстѣ, какое было отведено ему первоначальнымъ авторомъ, — что онъ прежде, какъ и у Аполлодора, слѣдовалъ за повѣствованіемъ о піерійскомъ приключеніи новорожденного бога, а затѣмъ порядокъ изложенія былъ нарушенъ и спутанъ интерполяторомъ. Что касается далѣе заключительной части гимна, въ свою очередь отмѣчаемой знакомъ обела, то ея подложность признается съ еще большимъ единодушіемъ. Въ этомъ пунктѣ къ атомистамъ примыкаютъ даже тѣ, которые, какъ Бергкь, Зиттль, Абель и др., въ вопросѣ о нашемъ памятникѣ придерживаются довольно консервативныхъ воззрѣній и готовы допустить цѣльность почти пяти шестыхъ его. „Стихомъ 506-мъ“, читаемъ напр. у Бергка (LG. I, 763): „проэмій заключается; все, что за симъ слѣдуетъ, есть праздное, ни чѣмъ необоснованное повтореніе прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, хотя примиреніе Гермеса съ Аполлономъ уже состоялось, здѣсь зачѣмъ то опять происходитъ новое объясненіе между сыновьями Зевса. Рѣшающее значеніе имѣетъ въ особенности то обстоятельство, что Гермесь, уже прежде получившій изъ рукъ Аполлона за свою лиру блестящій бичъ, здѣсь вдругъ снова за ту же лиру получаетъ магическій жезлъ. Бичъ и магическій жезлъ идентичны, и когда самъ Аполлонъ пасъ стада Адмета, то онъ имѣлъ при себѣ этотъ чудесный жезлъ. Допустить что либо подобное въ своемъ произведеніи не могъ бы даже самый неискусный стихотворецъ. Однако въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою и не какое либо самостоятельное прибавленіе позднѣйшаго поэта, а скорѣе отрывокъ другой поэмы, присоединенный чисто внѣшнимъ образомъ посредствомъ двухъ-трехъ жалкихъ стиховъ. Эта поэма конечно также представляла проэмій. Авторъ ея поставилъ себѣ задачу, сходную съ задачею его предшественника,

работа которого ему не была безызвѣстна“. По Зиттлю (стр. 197) достаточно уже одной разницы въ тонѣ между первою частью стихотворенія, отличающеюся тонкимъ юморомъ, и его заключеніемъ (отъ ст. 507-го), исполненнымъ серьезнаго достоинства (würdevoll), чтобы признать послѣднее за сторонній, чуждый первоначальному проэмію прибавокъ. Такого же мнѣнія и Грефе (стр. 24), и замѣчательно, что даже столь консервативный критикъ, какъ Мьюръ, на этотъ разъ въ полномъ согласіи съ атомистами признаетъ, что „съ окончаніемъ судебного разбирательства на Олимпѣ дѣйствіе и описаніе въ гимнѣ дѣйствительно слабѣтъ“ и что „длинный разговоръ между примирившимися божествами столь же утомителенъ по манерѣ, сколько неинтересенъ по сюжету“ (стр. 340 сл.). Лозе (стр. 17 сл.) и Абель (стр. 29), примыкая въ общемъ ко взгляду Бергка, предполагаютъ, что фрагменту, соединенному нынѣ съ нашимъ памятникомъ точно такъ же, какъ піойскій гимнъ соединенъ съ делійскимъ, предшествовалъ рассказъ, сходный съ тѣмъ, который нѣкогда былъ обработанъ также и Алкэемъ въ одномъ изъ его гимновъ ²⁷⁴). Въ послѣднемъ повѣствовалося о томъ, какъ Гермесъ укралъ у Аполлона лукъ и затѣмъ повидимому промѣнялъ его ему же на золотую палочку (ὄλβου καὶ πλούτου ῥάβδος). Болѣе вѣрны воззрѣнію Гроддека, впервые, какъ мы видѣли, заподозрившему разсматриваемое мѣсто, остались Маттіэ (стр. 46) и Германнъ (стр. 81 сл.). По ихъ убѣжденію упрекъ въ отсутствіи цѣльности, въ нестройности содержанія, въ неровности языка и тона, относимый ко всему произведенію, долженъ быть распространенъ и на послѣдніе стихи его. Въ нихъ слѣдуетъ такимъ образомъ видѣть не одинъ, а нѣсколько различныхъ фрагментовъ, принадлежавшихъ первоначально не къ одному, а къ нѣсколькимъ различнымъ стихотвореніямъ.

Разберемъ послѣдовательно всѣ эти возраженія и гипотезы.

На первомъ планѣ стоитъ несогласное по мнѣнію Маттіэ съ понятіемъ о единствѣ разнообразіе содержанія. Въ самомъ дѣлѣ поэтъ не оставилъ, кажется, ни одной изъ важнѣйшихъ функцій своего героя незатронутою: богъ случайныхъ находокъ и нечаянныхъ прибылей (ἐρημικα), — Гермесъ въ нашемъ гимнѣ при первомъ же выходѣ изъ

²⁷⁴) Срв. Hor. Od. I, 10, 9: te boves olim nisi reddidisses per dolum amotas puerum minaci voce dum terret, viduus pharetra risit Apollo. Porphyrio ad h. l.: fabula haec autem ab Alcaeo ficta. Paus. VII, 20, 4.

родительской пещеры натывается на черепаху, долженствующую впоследствии принести ему несмѣтные выгоды (*μυρίον ὄλβον*, ст. 25 сл.); глава воровъ и грабителей (*φρληγτέων ὄρχαμος*, ст. 175), — онъ совершаетъ неслыханную покражу, едва успѣвъ появиться на свѣтъ (ст. 64 сл.); олицетвореніе торговой предпримчивости, практической сметки, умѣнья сдѣлать хорошій гешефтъ, — онъ успѣваетъ мало по малу выманить у Аполлона чуть не все, чѣмъ тотъ богатъ, и заставляетъ его даже поступиться нѣкоторою частью мантической функціи (ст. 526 сл.); патронъ изобрѣтателей, ученыхъ и художниковъ, — онъ создаетъ кивару (ст. 39 сл.), открываетъ способъ добыванія огня путемъ тренія двухъ кусковъ дерева (ст. 108 сл.), выдумываетъ пастушью свирѣль (ст. 511 сл.); мнѣическій представитель ораторскаго искусства, — онъ произноситъ нѣсколько длинныхъ рѣчей, одна другой замысловатѣе и хитрѣе (срв. ст. 163 сл., 261 сл., 368 сл., 464 сл. и проч.); герольдъ и вѣстникъ боговъ, — онъ обнаруживаетъ свою способность къ этой должности, лишь только вступаетъ на Олимпъ, и по повелѣнію Зевса тотчасъ же принимается за ея исполненіе (ст. 331, 392); покровитель стадъ и пастуховъ, — онъ получаетъ отъ Аполлона бичъ и пятьдесятъ коровъ (ст. 496 сл.), а съ тѣмъ вмѣстѣ господство надъ лошадьми, мулами, львами, кабанами, собаками и овцами (ст. 568 сл.); божество хтоническое, посредникъ между міромъ живыхъ и умершихъ, — онъ пріобрѣтаетъ компетенцію препровождать души усопшихъ въ царство тѣней (ст. 572 сл.); цѣлитель и врачъ, — онъ открываетъ въ черепахѣ чудесное свойство уничтожать дѣйствіе колдовства и наговора (ст. 37). Словомъ, мы бы долго не кончили, еслибы стали перечислять всѣ тѣ стороны гермесова существа, на которыя сумѣлъ указать въ своемъ произведеніи неизвѣстный гимнографъ. Однако гимнъ все же не превратился оттого въ безобразную мѣшанину, въ „complexus et farrago fabularum, quae de Mercurio traduntur, fere omnium“²⁷³), какъ увѣряютъ атомисты. Напротивъ, всѣ частности, всѣ эпизоды и отступленія авторъ стихотворенія органически связалъ съ цѣлымъ, и, не повредивъ этому цѣлому, мы не можемъ устранить ни одной подробности, ни одной лишней черты. Иначе образъ Гермеса, нынѣ яркій, конкретный и цѣльный, поблѣднѣлъ бы, потерялъ бы свою осязательность, жизненность и полноту.

²⁷³) Greve op. l. p. 14; Schulze De hymni in Merc. hom. compositione etc. Halis. 1868, p. 13.

А выпуклость этого образа,—та *ῥητορικῆ*, которую обнаружили поэтъ,—именно и составляетъ въ занимающемъ насъ памятникѣ то, чему по моему мнѣнію слѣдуетъ наиболѣе удивляться. Съ другой стороны странно замыкать эпическое стихотвореніе въ столь тѣсныя рамки, какія отводить для нашего гимна напр. Маттіэ. Присутствіе эпизодическихъ частей до тѣхъ поръ не вредитъ единству и цѣльности литературнаго произведенія, пока онѣ не заслоняютъ отъ читателя главной мысли автора, пока онѣ не отвлекаютъ его вниманія далеко въ сторону отъ темы. Разъ этого нѣтъ,—критикъ не можетъ упрекать писателя, если тотъ нашелъ для своихъ цѣлей нужнымъ вплести въ нить своего рассказа нѣкоторыя,—на посторонній взглядъ, можетъ быть, и лишнія,—подробности. Нѣтъ, первая обязанность критика — постараться понять эти цѣли, разгадать замыселъ писателя, войти въ его намѣренія. И если мы исполнимъ эту обязанность въ данномъ случаѣ по отношенію къ гимнографу, завѣщавшему намъ разсматриваемое стихотвореніе, то, быть можетъ, оно будетъ спасено отъ тѣхъ тяжелыхъ ранъ и увѣчій, которыми угрожаютъ ему атомисты.

Выше мы заявили, что по нашему разумѣнію авторъ гимна къ Гермесу задумалъ представить своимъ слушателямъ исторію первыхъ подвиговъ этого божества,—тѣхъ подвиговъ, благодаря которымъ оно съ одной стороны добилось на Олимпѣ подобающихъ ему почестей, съ другой — обезпечило за собою дружбу и покровительство Аполлона. Цѣль эта, не выраженная, правда, ни во вступительной части стихотворенія, ни дальше съ полною опредѣленностью, тѣмъ не менѣе проступаетъ изъ контекста настолько ясно, что никакъ не можетъ ускользнуть отъ внимательнаго читателя. И прежде всего укажемъ на начальные стихи гимна. Здѣсь не безъ умысла поэтъ обрисовываетъ то укромное положеніе, которое выпало на долю матери его героя, горной килленской нимфы Маи. Тихо и незамѣтно проводитъ дни свои Мая вдали отъ высшихъ божескихъ сферъ, въ полномъ уединеніи, въ глубинѣ мрачной пещеры, гдѣ находитъ ее любовь Зевса (ст. 5 слл.). Ей незнакомо честолюбіе, и ни молитвъ, ни почетныхъ даровъ, которыми пользуются отъ смертныхъ всѣ небожители, она не добивается (ст. 167 слл.). Такой печальный жребій не можетъ конечно удовлетворить ея могучаго сына. Онъ чувствуетъ себя не ниже Аполлона и рѣшается хитростью и силою завоевать себѣ равное съ нимъ положеніе

въ средѣ Олимпійцевъ (ст. 172 сл.). Съ этою цѣлью онъ затѣваетъ рискованное предпріятіе: отправляется въ Піерію и похищаетъ принадлежащее Аполлону стадо. Ему, разумѣется, извѣстно, что преступленіе его никоимъ образомъ не укроется отъ вѣщаго Фэба (срв. ст. 156 сл., 176 сл.), но онъ испытываетъ задоръ помѣриться силами съ сильнѣйшимъ изъ боговъ. Онъ хочетъ обратить на себя вниманіе Зевса, хочетъ, какъ прекрасно замѣтилъ Гемолль (стр. 185), дать образчикъ своего пронырства, своей силы и хитрости. Оттого, зная напередъ, что предъ зевсовымъ трибуналомъ ему врядъ ли удастся оправдаться, онъ тѣмъ не менѣе самъ дерзко требуетъ отъ Аполлона перенесенія дѣла на судъ Олимпійца. Для него вся суть въ томъ, чтобы громко заявить о своей способности совершать необыкновенныя дѣянія, — ἀμφαίειν χλῶτ' ἔργα (ст. 19), и о правахъ своихъ на высшій божескій рангъ. И онъ достигаетъ своей цѣли. По первому взгляду на маленькаго, кутающагося въ пеленки и усердно работающаго языкомъ бога Зевсъ съ обычною прозорливостью открываетъ его годность къ отправленію одной изъ важнѣйшихъ функцій, — функцій герольда и вѣстника боговъ (ст. 331), и, примиривъ его съ Летоидомъ, торжественно допускаетъ въ божескую семью на равныхъ правахъ съ остальными ея членами (ст. 506 сл., 575 сл.). А Аполлонъ, удовлетворенный готовностью ловкаго вора возратить по принадлежности украденную собственность, добровольно уступаетъ ее ему, какъ дань своего уваженія къ его изобрѣтательности, и заключаетъ съ нимъ крѣпкій и нерасторжимый союзъ любви и дружбы (ст. 574).

Фикъ ²⁷⁶⁾ высказалъ странное мнѣніе, будто нашъ такъ назыв. гимнъ къ Гермесу имѣетъ въ виду прославленіе совсѣмъ не Гермеса, а Аполлона, коего празднество въ Колофонѣ, вѣроятно, и подало де поводъ къ его составленію. Мы бы имѣли полное право назвать такое мнѣніе абсурднымъ, еслибы оно не находило точки опоры въ очевидномъ намѣреніи гимнографа оттѣнить особенно близкую связь обоихъ божествъ, имѣвшихъ даже, какъ извѣстно, въ разныхъ мѣстахъ Греціи соединенныя святилища ²⁷⁷⁾. Игнорировать это намѣреніе поэта, какъ дѣлаетъ Гемолль (въ ук. м.), совершенно невозможно, — тѣмъ болѣе,

²⁷⁶⁾ Fick Urspr. Sprachform, стр. 201.

²⁷⁷⁾ Paus. IV, 33, 5; V, 14, 6; IX, 17, 2.

что оно даетъ намъ въ руки ключъ къ уразумѣнію эпизода объ изобрѣтеніи лиры. „Простое раскрытіе воровства и возвращеніе скота его владѣльцу“, говоритъ Мьюръ, „представляло бы неудачную и даже унижительную для героя гимна развязку. Съ другой стороны уступка вору украденнаго имущества безъ всякаго возмѣщенія убытка была бы равнымъ образомъ несогласима съ достоинствомъ Фэба. Было, стало быть, необходимо въ духѣ стихотворенія найти средства уладить дѣло на основаніяхъ, одинаково почетныхъ для той и другой стороны. Этому требованію какъ нельзя лучше удовлетворялъ мнѣ о другомъ прославленномъ подвигѣ Гермеса, — объ изобрѣтеніи кнѣары, любимаго инструмента Аполлона“²⁷⁸). Такимъ образомъ рассказъ о встрѣчѣ съ черепахою и дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ этой встрѣчи — совсѣмъ не такое лишнее и праздное отступленіе, какимъ его считаютъ сепаратисты. Напротивъ онъ составляетъ одну изъ необходимѣйшихъ частей въ общемъ планѣ стихотворенія, задуманнаго въ духѣ полнѣйшаго единства. Гермесъ, затѣвая отчаянно-смѣлое воровство, дѣйствуетъ быстро, но обдуманно и вовсе не наобумъ. Имѣя всѣ шансы быть тотчасъ же пойманнымъ и уличеннымъ, онъ со свойственною ему изворотливостью находитъ способъ не только избѣжать заслуженнаго наказанія, но и при самомъ неблагопріятномъ оборотѣ дѣла все таки остаться въ барышахъ. Наткнувшись случайно на черепаху, онъ сразу соображаетъ, что эта, повидимому, ничтожная находка можетъ ему пригодиться въ замышленномъ предпріятіи, и радостно восклицаетъ: „σύμβολον ἤδη μοι μέγ' ὀνήσιμον· οὐκ ὀνοτᾷω“ κτλ. Онъ беретъ съ собою животное въ пещеру, изготовляетъ изъ его щита музыкальный инструментъ и въ счастливомъ предчувствіи успѣха прячетъ этотъ послѣдній до поры до времени въ свою колыбель, а самъ отправляется въ Піэрію. Его мечты о богатствѣ, могуществѣ и славѣ (ст. 170 сл.) близки къ осуществленію: придетъ часъ, и плодъ его изобрѣтательности — кнѣара послужитъ для него источникомъ несмѣтныхъ приобрѣтеній (ст. 24)²⁷⁹).

²⁷⁸) Мюге о. с. II, р. 343.

²⁷⁹) Срв. Гемолль въ ук. м. — Изъ всего изложенія, кажется, явствуетъ, что ст. 24: ἔνθα χεῖλον εὐρών ἐκτίσαςτο μῦρον ἄλβον совершенно необходимымъ и никоимъ образомъ не можетъ быть устраненъ изъ текста (срв. Matthiae Animadv. р. 40, 213). Въ немъ скрывается указаніе на дальнѣйшее, именно — на имѣющій современемъ произойти между обоими божествами обмѣнъ. Шнейдевинъ (Philolog. III, стр. 662) находитъ, что указаніе это слишкомъ неопредѣленно, темно

Быть можетъ, нѣкоторая растянутасть заключительной части гимна, въ которой вдругъ роль главнаго дѣйствующаго лица переходитъ отъ Гермеса къ Аполлону, является также слѣдствіемъ желанія поэта прославить наряду съ непосредственнымъ героемъ стихотворенія и его божественный релятивъ²⁸⁰). Только этимъ желаніемъ могу я между прочимъ объяснить и то странное обстоятельство, что бѣольшую часть своихъ даровъ и функций Гермесъ получаетъ именно отъ Аполлона, а не отъ Зевса, этого законнаго распредѣлителя божескихъ правъ и должностей. О Зевсѣ упоминается какъ то вскользь, словно бы и не ему подобало опредѣлить мѣсто новоявившагося божества въ кругу обитателей снѣжныхъ вершинъ Олимпа. Единственная компетенція, которою онъ самолично облакаетъ Гермеса, это — компетенція божескаго посланника и вѣстника, а единственный даръ, получаемый Гермесомъ прямо отъ владыки безсмертныхъ и смертныхъ, это — виѣшняя привлекательность (*χάρις*), составляющая какъ бы вѣнецъ всѣхъ сдѣланныхъ новымъ божествомъ приобрѣтеній (ст. 575). Съ другой стороны важнѣйшую свою функцію верховнаго главы и патрона воровъ и всякаго рода промышленниковъ Гермесъ избираетъ самъ (срв. ст. 166, 176 сл.), и о томъ, что этотъ выборъ санкціонированъ Зевсомъ, мы слышимъ лишь изъ устъ Аполлона (ст. 516). Подобнымъ же образомъ и о другой не менѣ важной сторонѣ дѣятельности Гермеса, — о его обязанности провожать въ Аидъ души отбывшихъ изъ міра людей (обязанность, которую могъ возложить на него только Зевсъ), сообщаетъ ему тотъ же Аполлонъ. Я уже не говорю при этомъ о передачѣ въ вѣдѣніе сына Маи оракула Өріѣ. Что самъ поэтъ чувствовалъ необходимость ближе мотивировать ту свободу, съ которою Фэбъ распоряжается при этомъ чуждою ему областью клеромантін, на то, повидимому, ясно указываетъ ст. 557. И въ самомъ дѣлѣ кто другой, какъ не Зевсъ *παντοφάρος*, — онъ, съ голоса котораго вѣщаютъ всѣ гадатели и самъ Аполлонъ (ст. 471 сл.), — долженъ былъ бы по праву вручить богу

и непонятно. Но вѣдъ художественная цѣль автора именно въ томъ и состояла, чтобы, не вдаваясь въ подробности, сразу обратить вниманіе своей публики на важное значеніе гермесовой находки, заинтересовать слушателей и вмѣстѣ подготовить ихъ къ тому, что долженствовало впереди послужить предметомъ подробнаго и обстоятельнаго повѣствованія. Для этого ему нуженъ былъ только глухой намекъ, и такой намекъ заключаетъ въ себѣ наше мѣсто.

²⁸⁰) О мнѣнческомъ соотношеніи Аполлона и Гермеса см. Preller², I, 295.

пастуховъ и земледѣльцевъ завѣдованіе этимъ чисто народнымъ видомъ мантики, возникшимъ и развившимся среди пастушескаго населенія Фокиды ²⁸¹⁾?

Впрочемъ ничто не мѣшаетъ предположить, что въ первоначальной редакціи гимна дѣло могло обстоять нѣсколько иначе. Невозможно отвергать, что заключительные стихи въ нашемъ текстѣ носятъ на себѣ слѣды неисцѣлимыхъ поврежденій, и какъ разъ то мѣсто, въ которомъ говорится о водвореніи Гермеса на Олимпѣ, очевидно, подверглось наибольшему искаженію. Чтобы возстановить логическую связь между короткимъ рассказомъ о возвращеніи примирившихся божествъ въ чертоги Зевса (ст. 503 сл.) и тѣмъ, что за симъ слѣдуетъ, необходимо допустить послѣ ст. 507 или, точнѣе, послѣ словъ „ἄμφω δ' ἐς φιλότιτα συνήγαγε“ значительный пропускъ, неудачно восполненный однимъ изъ редакторовъ гимна, прибавившимъ отъ себя стт. 508—512. Утраченная такимъ образомъ доля стихотворенія безъ сомнѣнія заключала въ себѣ повѣствованіе о тѣхъ полномочіяхъ, которыя возложилъ міродержавный владыка на новаго члена олимпійской семьи. Сюда по всей вѣроятности принадлежали первоначально нѣкоторые стихи (напр. ст. 572 сл.), появившіе затѣмъ въ силу превратностей судьбы, испытанныхъ текстомъ при передачѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ слѣдующую далѣе рѣчь Аполлона (стт. 524—573) ²⁸²⁾. Здѣсь же говорилось, можетъ быть, и о предоставленіи Гермесу права распоряжаться перемѣщеніями собственности изъ рукъ въ руки (τιθέναι ἐπαμοίβια ἔργα),— стало быть, между прочимъ и объ утвержденіи за нимъ полюбившейся богу функции вождя и покровителя воровъ, на что явно намекаютъ стт. 516 сл. По крайней мѣрѣ, еслибы это было такъ, то намъ былъ бы понятенъ столь, при нынѣшнемъ состояніи текста, неожиданно проявляющійся въ Аполлонѣ страхъ за свое достоинство, а равно понятно было бы и его желаніе новымъ договоромъ обезпечить свою безопасность.

²⁸¹⁾ По свидѣтельству „Большой Этимологіи“ (стр. 455, 34) Θρίη—дочери Зевса. По Гесихію (s. v.) онѣ—первыя прорицательницы. См. Baumeister ad v. 552; Lobbeck Aglaoph. p. 814 sqq.

²⁸²⁾ Боимся, какъ бы предположеніе это не внушило кому либо мысли причислить насъ къ сторонникамъ А. Лудвига, предпринявшаго въ послѣднее время цѣлый рядъ существеннѣйшихъ измѣненій и перестановокъ въ традиціонномъ текстѣ гимна. Какъ ни заманчивы по своей простотѣ приемы этого ученаго, однако мы должны согласиться съ Группе, который указываетъ на крайнюю искусственность и неправдоподобность большей части его эмендацій (ук. соч. стр. 536).

Но, признавая въ послѣдней части нашего памятника рядъ существенныхъ порчъ, мы все же далеки отъ мысли подозрѣвать самую ея подлинность или, лучше сказать, первоначальность той связи, которая нынѣ существуетъ между нею и остальнымъ стихотвореніемъ. Та разница въ тонѣ, на которую ссылались изслѣдователи, осуждавшіе эту часть, вполнѣ обуславливается самими свойствами трактуемаго авторомъ сюжета: шутливость и юморъ, умѣстные тамъ, гдѣ шла рѣчь о проказахъ новорожденного бога, оказались бы несовсѣмъ кстати въ повѣствованіи о томъ, какъ между этимъ богомъ и грознымъ Фэбомъ при благосклонномъ вмѣшательствѣ самого Кронида состоялся торжественный братскій союзъ. Къ тому же мы увѣрены, что, дойди до насъ гимнъ въ болѣе полномъ и менѣе извращенномъ видѣ, разница эта была бы совсѣмъ не такъ ощутительна²⁸³). Что же касается языка, то онъ во всѣхъ частяхъ стихотворенія отмѣченъ одними и тѣми же особенностями, и попытки отыскать именно въ немъ какія либо данныя въ пользу контаминаціонной теоріи нельзя признать удачными. Языкъ этотъ очень своеобразенъ и составляетъ одинъ изъ признаковъ, на основаніи которыхъ, не безъ права, гимнъ къ Гермесу считается самымъ младшимъ изъ большихъ гомерическихъ гимновъ. Многія реченія напоминаютъ манеру и употребленіе трагиковъ, иныя находятъ себѣ соотвѣтствіе только у такихъ позднихъ писателей, какъ Квинтъ смиренскій, Ноннъ, Колуѣ и др.²⁸⁴). Сюда между прочимъ относятся слова: *κνώδαλον* (ст. 188; срв. Aesch. Prom. 462), *λοχεύειν* (=рождать, ст. 230; срв. Orph. Arg. 130; Nonn. XXX, 270; XLI, 168. 412; XLIV, 171. 312 и проч. Цит. Hermann Orphica, p. 812), *ὀρσολοπεύειν* (ст. 308; срв. Aesch. Pers. 10); *αὐγὴ* (=глазъ, ст. 361, срв. Baumeister, p. 228), *μοῦσα* (=пѣснь, мелодія, ст. 447; срв. Aristoph. Nub. 313; Plut. Alex. 67), *τρίβος* (ст. 448; срв. Theocr. XXV, 156; Orph. Arg. 58, 69); *χαίρω* и *ἐπικραίω* (=„прославляю“, „возвѣщаю“, стт. 427, 559) и

²⁸³) Даже въ лагерѣ сепаратистовъ отнюдь не всѣ настаиваютъ на существованіи различія въ тонѣ между первою и послѣднею частью гимна. Срв. Welcker Gr. Götterl. II, 464; Schneidewin Philolog. III, 696; Bergk LG. I, 764. См. также Gemoll o. c. p. 189; Ludwig N. Jahrb. 1886, стр. 438.

²⁸⁴) Въ виду тѣхъ общихъ соображеній, которыя были высказаны выше (см. стр. 70 сл.), можно было бы не придавать этому аргументу большого значенія, но совокупность всѣхъ признаковъ, послѣдовательно перечисляемыхъ нами далѣе, сообщаетъ ему въ данномъ случаѣ силу, какой онъ конечно не имѣлъ бы въ нашихъ глазахъ самъ по себѣ.

т. п. Есть примѣры чуждыхъ древнѣйшему эпосу слитныхъ формъ въ родѣ ἔσση (ст. 34), πῆχεις (accus. ст. 50), τῶν (= τέων, ст. 72), ὄρη (ст. 95), κληροπαλεῖς (ст. 129), περᾶν (? ст. 133), ἔρχη (ст. 156), προβιβῶν (ст. 149), φοιτῶσιν (ст. 205), ὀρώμαι (ст. 219), βιβᾶ (ст. 225), ἀντᾶς (ст. 288), ἐξαπατᾶν (ст. 318), ἐλῶντα (ст. 355), φιλῶ (ст. 382), κάγώ (ст. 404), ἐδύνω (ст. 405), πονεύμενε (ст. 436; срв. προκαλεύμενος ст. 241 и ἀρνεύμενον ст. 390), ἀπονοσφισθῶσι (ст. 562; срв. δινηθῶσιν ст. 45) и проч. Аттическое вліяніе, сказывающееся въ этихъ образovanіяхъ, проявляется и въ иныхъ случаяхъ, какъ напр.: ἐμάρανε (ст. 140), ἔδοξα (ст. 208), θᾶττον (*E*, ст. 255), λάζυμαι (ст. 316), ἔρωτα (ст. 449) и т. п. Съ другой стороны древне-іоническія окончанія датива множ. οἰσι, αἰσι настолько преобладаютъ надъ позднѣйшими οἰς, αἰς (срв. ταῖσδ' ст. 200, μετ' ἀθανάτοισι ст. 291), что послѣднія можно считать лишь рѣдкими исключеніями. Фразеологія представляетъ немало отличій отъ гомерической. Можно сослаться напр. на такія выраженія, какъ διαπρύσιος κεραῖστος (ст. 336, — у Гомера διαπρύσιος только о звукахъ), σαῦλα βαίνειν (ст. 28), νύμφη ἀμβροσίη (ст. 230, — у Гом. ἄμβροτος), μῦθος οὐκ ἀλαπαδνός (ст. 334, срв. Baum. ad l.), μέγαν δ' ἐπιδαίωμα ὄρκον (ст. 383, — Гом. ἐπὶ μέγαν ὄρκον ὁμοῦμαι), ἄδυτος (ст. 247, — у Гом. ὑπόροφος θάλαμος), ἐπ' οὐδὲι καθίσσαι τινά (ст. 284; Франке ad l. сравниваетъ нѣм. auf das Fasten setzen, auf Wartegeld setzen), διέτριβε κέλευθα (ст. 348, — у Гом. διαπρήσσειν κ.), κατὰ πρέσβην (ст. 431), ποτὶ ζάθεον λειμῶνα (ст. 503, — ζάθεος у Гомера только о городахъ)²⁸⁵) и проч. Впрочемъ рядомъ съ этими отступленіями встрѣчается и множество чисто гомерическихъ оборотовъ и эпитетовъ, а стихи 9 (срв. ω 64), 46 (Γ 242), 66 (δ 843), 81 (Κ 467), 110 (Σ 600, ε 234), 131 (δ 441), 132 (β 103), 144 (ι 521), 156 (Α 149), 179 (ν 217), 181 (Θ 471, ω 511), 196 (Σ 549), 217 (Π 360), 219 (Ν 99), 263 (Ψ 40), 333 (Ο 253, Φ 461), 341 (Α 34), 420 (ρ 542), 462 (δ 589), 466 (Θ 40), 469 (Β 197), 518 (ε 178, κ 342) либо частью, либо цѣликомъ прямо заимствованы изъ гомеровыхъ эпоей. Существоуютъ слѣды близкаго знакомства гимнографа и съ гесіодическими произведеніями. Такъ признаки непосредственнаго заимствованія у Гесіода обнаруживаютъ стт. 10 (срв. Hes. Th. 1002), 36 (Hes. Opp. 365), 243

²⁸⁵) Всѣхъ негомерическихъ словъ въ гимнѣ насчитываютъ 183 (1:31/3).

(Hes. Th. 551), 337 (Hes. Opp. 635), 375 (Hes. Th. 988)²⁸⁶). Слѣдующія реченія, употребляемыя авторомъ нашего гимна, чужды Гомеру, но попадаются у Гесіода: τετράς ст. 19 (Hes. Op. 770), ἐροέσσα ст. 31 (Hes. Th. 245, 251, 357), φηλητής ст. 67 (Hes. Op. 375; у Гом. обыкновенно κλέπτης или λήσστηρ), θερμός αὐτμή ст. 110 (Hes. Th. 696), καῶла ст. 112 (Hes. Op. 427), ἐπρήτανα трехслож. ст. 112 (Hes. Op. 607), καταστύφελος ст. 124 (Hes. Th. 806), ἀμαρύσσων ст. 278, ἀμαρυγαί ст. 45 (Hes. Th. 827), κέρτομος ст. 338 (Hes. Op. 788, — у Гом. κερτόμιος), γηρύετο ст. 426 (Hes. Op. 257), τετελεσμένος = constitutus, fixus ст. 572 (Hes. Op. 799) и нѣк. др. Вообще лексическій матеріалъ, которымъ располагалъ поэтъ, богатъ, а иногда и оригиналенъ. Мы находимъ въ стихотвореніи немало т. наз. σπανίως или ἄπαξ εἰρημένα и между ними нѣсколько очевидныхъ неологизмовъ въ родѣ χοροίτυπος (ст. 31), спарганиώτης (ст. 301), διαπурπαλαμέω (ст. 357) и проч.²⁸⁷.

Не въ пользу атомистовъ говорятъ далѣе и тѣ данныя, которыя доставляетъ намъ метрика гимна. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи всѣ части его, какъ осуждаемыя, такъ и признаваемыя подлинными, вполне между собою сходятся, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что метрическія особенности нашего памятника столь же рѣзко отличаются отъ прочихъ большихъ гимновъ гомерической коллекціи, какъ и свойственныя ему особенности стиля и языка. Возьмемъ напр. хотя бы употребленіе спондеевъ и дактилей. Чередованіе этихъ видовъ стопы въ гексаметрѣ, какъ старается между прочимъ доказать А. Лудвигъ въ неразъ цитованномъ мною сочиненіи своемъ „Aristarchs homerische Textkritik“ (срв. II, стр. 301 сл.), всегда обнаруживаетъ нѣкоторую правильность, закономерность, и, насколько древнѣйшіе поэты склонны къ предпочтительному употребленію спондея, настолько это употребленіе въ позднѣйшія времена все болѣе и болѣе ограничивается. Собранныя названнымъ ученымъ статистическія данныя краснорѣчиво подтверждаютъ это. Такъ у Гомера количественное отношеніе спондеевъ

²⁸⁶) Полагаю, что въ стт. 166 слл. можно также усматривать вліяніе Гесіода (срв. Theog. 392 сл.).

²⁸⁷) О языкѣ гимна см. Voss Myth. Briefe, I (1794 p. 107 sqq.) Matthiae Animadv. p. 57 sq., Hermann Orphica p. 811 sq., Greve o. c. p. 56 sqq. Eberhard Die Sprache d. hom. H., II, p. 7 sqq., Gemoll H. H., p. 193 sq.

и дактилей въ пяти первыхъ стопахъ стиха выражается числами 100:25/28, у Гесіода — 100:27/29, въ гомерическомъ гимнѣ къ Деметрѣ — 100:25, въ г. къ Аполлону — 100:29, въ г. къ Афродитѣ — 100:28. Гимнъ къ Гермесу, содержащій въ себѣ наименьшій процентъ спондеевъ (21%), служить тѣмъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начинается рѣшительное преобладаніе дактилическихъ формъ, достигающее наивысшей степени у стихотворцевъ IV стол. христіанской эры (Григорій Назіанзинъ и др.): изъ числа 580 стиховъ, составляющихъ объемъ этого гимна, 154 не заключаютъ въ себѣ ни одного спондея (такъ наз. *όλοδάκτυλοι στίχοι*), 255 имѣютъ лишь одинъ, 135 — два, 33 — три спондея. Четыре сп. встрѣчаемъ во всемъ стихотвореніи только три раза, — въ стт. 22, 243, 578, гдѣ притомъ сочетанія: *γνώ δ', οὐδ' ἠγνοίησε* (Hes. Th. 551), *Διὸς καὶ Ἀητοῦς υἱός* (H. Ap. 545, Hes. Scut. 202), *φύλα θνητῶν ἀνθρώπων* (Od. ε 32, Hes. frgm. 72) принадлежатъ къ эпическому аппарату. Не менѣе знаменательны и другія особенности. Цезура *κατὰ τρίτον τροχαῖον*, столь предпочитаемая позднѣйшими греками, имѣется въ нашемъ гимнѣ въ 398 случаяхъ (изъ 580), — стало быть, встрѣчается въ два раза чаще, нежели ц. *πενθήμερης*²⁸⁸). Дигамма представляетъ для гимнографа уже совершенно мертвый звукъ: примѣры зіянія, предполагающаго выпаденіе этого звука, отнюдь немногочисленны и относятся исключительно либо къ эпическимъ формуламъ, либо къ сочетаніямъ, составленнымъ въ духѣ послѣднихъ и по ихъ образцу; числовое отношеніе между ними и такими случаями полного исчезновенія согласной, какъ ст. 46 *ὥς ἄμ' ἔπος τε καὶ ἔργον*, ст. 199 *ταῦτά μοι εἰπέ* и т. п., по Абелю (praef. p. XXI) равно $\frac{5}{7}:1$. Соответственно съ этимъ рѣдки также случаи протяженія (productio) гласной передъ плавною. Мы можемъ указать только на два: *κατὰ μέρος* (въ арсисѣ 4-ой стопы, ст. 53, 419, 501) и *δὲ λιγέως* (также, ст. 425). Аномальное количество (quantitas) обнаруживаетъ стоящая особнякомъ (ст. 106) форма *ἀθρόας* (^{υυ}), напоминающая языкъ бэотійскихъ рапсодовъ²⁸⁹).

²⁸⁸) Непонятно, какимъ образомъ Баумейстеръ могъ утверждать, будто гимнографъ тщательно избѣгаетъ троханческой цезуры (см. стр. 187).

²⁸⁹) Срв. Hermann Orphica, p. 689; A. Ludwig l. l.; Abel praef. Hymnorum, p. XV sqq.; Eberhard Metr. Beob. I, II въ соотв. мѣстахъ. Кромѣ того см. соч. Фика (Urspr. Sprachform), Флаха (Nachh. Digamma), Грефе, Кёна (Quaestt. metr. et gramm.).

Размѣры и задача книги, разумѣется, позволяютъ намъ остановиться лишь на самыхъ выдающихся и крупныхъ чертахъ, не входя во многія частности, которыя бы, пожалуй, подкрѣпили доказательную силу приведенныхъ данныхъ. Но, смѣю думать, достаточно и сказаннаго, чтобы съ одной стороны усумниться въ томъ, будто стихотвореніе наше составилось изъ разновременныхъ наслоеній, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а съ другой — видѣть сразу, что время его возникновенія должно опредѣляться весьма позднею датою. Къ сожалѣнію дата эта не можетъ быть установлена съ желательною точностью. Извѣстно, что хронологическія опредѣленія вообще составляютъ большое мѣсто историковъ греческой литературы, а тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о древнѣйшемъ періодѣ ея развитія, — о порѣ процвѣтанія эпической поэзіи. Если отъ формальныхъ указаній обратиться къ внутренней сторонѣ памятника, къ его содержанію, то вотъ на что придется намъ обратить здѣсь преимущественное вниманіе. Въ стг. 39 слл., — тамъ, гдѣ рассказывается объ изобрѣтеніи лиры, — этому музыкальному орудію поэтъ приписываетъ семиструнную форму. По установившемуся преданію дѣйствительнымъ изобрѣтателемъ семиструнной лиры былъ Терпандръ, и, если мы даже измѣнимъ буквальный смыслъ этого не вполне вѣроятнаго преданія, принявши, что Терпандру принадлежала собственно честь не изобрѣтенія, а лишь болѣе широкаго распространенія и усовершенствованія инструмента, то и въ такомъ случаѣ у насъ получится довольно надежный хронологическій предѣлъ, раньше котораго гермесовъ гимнъ, очевидно, не могъ возникнуть. Предѣлъ этотъ лежитъ далеко послѣ 26-ой ол.: гептахордъ, составлявшій, повидимому, во времена Терпандра для большинства обитателей собственной Греціи неслыханную новостъ, необходимо долженъ былъ успѣть здѣсь привиться, приобрести популярность, а память о томъ, кто былъ историческимъ виновникомъ его распространенія, необходимо должна была потускнѣть и затеряться, прежде чѣмъ явилась потребность искать въ лицѣ Гермеса, Аполлона или Амфіона мифическихъ виновниковъ реформы, имѣвшей въ исторіи музыки такое колоссальное значеніе²⁹⁰). Такимъ образомъ невозможно остановиться на той датѣ, которую принялъ для нашего памятника

²⁹⁰) Westphal *Gesch. d. Musik*, I, стр. 83 слл.; Gemoll *о. л.* p. 193.

К. О. Мюллеръ, отнесшій его возникновеніе къ 30 ол. Врядъ ли даже правы были бы мы, еслибы вмѣстѣ съ Германномъ (Orph. 689), Баумейстеромъ (pp. 186, 195), Бергкомъ (? LG. I, 765), Эбергардомъ (Die Sprache d. h. Н. II, 36; срв. Metr. Beob. II, 29), Абелемъ (стр. 28) и Гемоллемъ (стр. 194) отодвинули эту дату на десять олимпіадъ впередъ и приурочили время составленія гимна къ началу послѣдней четверти VII стол. до Р. X. (40 ол.). Если опираться на свидѣтельство схолій къ Горацию (Porphyrio ad Hor. Od. I, 10, 9) и признавать, что миѳъ о похищеніи аполлонова лука,— тотъ миѳъ, на который намекають стт. 514 слл. гимна,— былъ дѣйствительно пущенъ въ ходъ впервые Алкэемъ (а таковъ точный смыслъ словъ схоліаста), то слѣдуетъ думать, что занимающее насъ стихотвореніе не могло возникнуть до Алкэя, т. е. приблизительно до начала VI стол. (45 ол.), и это вполнѣ вѣроятно,—особенно въ виду отмѣченныхъ выше особенностей языка и метра²⁹¹). Есть впрочемъ и другія основанія, побуждающія насъ склоняться въ пользу послѣдней даты. Такъ слово *σάνδαλα*, во всякомъ случаѣ не греческое и встрѣчающееся въ гимнѣ три раза (стт. 79, 83, 139), впервые, сколько намъ извѣстно, засвидѣтельствовано фрагментами современницы Алкэя, лесбійской поэтессы Сапфо (frgm. 98), и врядъ ли позволительно думать, что оно вошло въ употребленіе задолго до нея (срв. Poll. VII, 22 и Voss, M. Gr. I. I.). На нѣкоторыхъ выраженіяхъ и описаніяхъ лежитъ печать кореннымъ образомъ измѣнившихся воззрѣній и культурныхъ условій. Сошлемся прежде всего на ту пропію, которою дышать слова Аполлона о правдивости даваемыхъ его оракуломъ прорічаній (стт. 541 слл.)²⁹²), укажемъ далѣе на упоминаемыя въ ст. 55

²⁹¹) На сторонѣ такого опредѣленія стоятъ Маттіэ (Anim. p. 64 sqq.), Грефе (стр. 90), Буркгардтъ (N. Jahrb. 1881, стр. 537). Еще болѣе позднюю дату принялъ Фоссъ, отнесшій гермесовъ гимнъ къ 69 ол. и признавшій Кинэа его авторомъ.

²⁹²) Нѣкоторые ученые (Маттіэ, Германнъ, Лудвигъ) находили невозможнымъ приписывать эти слова Аполлону, такъ какъ де они совсѣмъ не подходятъ къ его характеру, и предлагали вложить ихъ въ уста Гермеса, въ рѣчи котораго они дѣйствительно были бы болѣе на мѣстѣ. Какъ бы то ни было, тонъ ихъ, скептическій и насмѣшливый, отъ такого перемѣщенія ничуть не измѣняется. Особнякомъ стоитъ миѳіе Лозе (ук. соч. стр. 15, 41), который вовсе устраняетъ стт. 541—549 изъ нашего гимна и переноситъ ихъ въ пинійскій гимнъ къ Аполлону, гдѣ отводитъ имъ мѣсто тотчасъ послѣ ст. 361.

симпосіи молодыхъ людей съ столь знакомымъ намъ по описаніямъ Платона, Ксенофонта и др. характеромъ застольныхъ забавъ и шутокъ, на такія понятія, какъ *κῶμος* (ст. 481), *ἑταίρη* (ст. 478), на изображеніе обширнаго дома Маи (стт. 26, 146, 246 сл.), — изображеніе, несомнѣнно опирающееся на какой нибудь реальный типъ, — на отмѣченныя уже Фоссомъ *εὐκόσμητα προθύρα* (ст. 384) и т. п. Ко всему этому можно присоединить замѣчаніе, дѣлаемое Бергкомъ (ук. м.). Въ ст. 452 упоминается „*ἱμερόεις βρόμος αὐλῶν*“. „Мотивы флейты, говоритъ Бергкъ по этому поводу, были первоначально серьезны, даже мрачны; болѣе веселый характеръ сообщился имъ лишь тогда, когда развилась элегія“. А разцвѣтъ элегической поэзіи относится, какъ извѣстно, къ періоду времени между 30 — 40 ол.

Что касается имени гимнографа, оставившаго намъ проэмій въ честь Гермеса, то бесполезно даже пытаться угадать его. Кинэѳъ, на котораго указывалъ Фоссъ, имѣетъ такое же право слѣть авторомъ этого стихотворенія, какъ и всякій другой рапсода, дѣятельность котораго мы могли бы приурочить къ требуемому времени. Врядъ ли также возможно сказать утвердительно, былъ ли поэтъ уроженцемъ материковой Греціи, или же происходилъ изъ какого-либо малоазійскаго города, — напр. Колофона, въ которомъ ищетъ его родину Фикъ (ук. м.). По мнѣнію Мьюра²⁹³) нѣкоторыя діалектическія особенности въ родѣ ст. 106 *ἀθρόα* или ст. 133 *περῆν* (испрв. *περᾶν*) позволяютъ считать мѣстомъ возникновенія гимна Аркадію или Беотію. Но такихъ особенностей немного, и съ другой стороны есть аттицизмы, указывающіе какъ бы на аттическое происхожденіе автора (Гемолль). Все такимъ образомъ зависитъ отъ того, какому изъ этихъ двухъ моментовъ мы придадимъ больше значенія.

Слѣды подражанія гермесову гимну и ссылки на него встрѣчаются въ греческой литературѣ не часто. Что онъ былъ извѣстенъ Эврипиду, — это не болѣе, какъ догадка, хотя и довольно вѣроятная²⁹⁴). Признаки несомнѣннаго знакомства съ нашимъ стихотвореніемъ находимъ лишь у александрійскихъ поэтовъ, — у Каллимаха и Аполлонія родосскаго, иногда заимствующихъ изъ него цѣлыя выраженія. Сюда относятся слѣдующія мѣста: Callim. frgm. 35 c. (Schneider) *χαλὺβων ὡς ἀπόλοιτο*

²⁹³) Mure o. l. II, p. 344.

²⁹⁴) Срв. Gemoll къ ст. 416.

γένος (срв. h. Merc. v. 309); id. frgm. 199 ἀρθμὸν δ' ἀμφοτέροις καὶ φιλίην ἔταμον (срв. h. Merc. 524); epigr. 27 (срв. h. Merc. v. 525 sqq.); Apoll. Rhod Δ 103 ἔνθ' ἔπος ἡδὲ καὶ ἔργον ὁμοῦ πέλεν ἐσσυμένοισιν (срв. h. Merc. v. 46); id. A. 365 λειψὲς ἐπὶ πλαταμῶνι (= h. Merc. v. 128). Прямую ссылку на ст. 51 гимна съ маловажнымъ различіемъ въ чтеніи дѣлаетъ Антигонъ карнстіійскій (hist. mirab. VII), писатель времени Птолемѣя Филадельфа.

* * *

Краткое извлеченіе изъ большого гимна къ Гермесу составляетъ малый гимнъ къ тому же божеству, занимающій въ коллекціи нашей особое мѣсто подъ № XVII. Это небольшое стихотвореніе представляетъ собою почти буквальное повтореніе первыхъ девяти стиховъ только что разсмотрѣннаго нами проэмія съ присоединеніемъ къ нимъ двухъ обычныхъ клавзулъ, изъ коихъ первая опять таки съ незначительнымъ измѣненіемъ заимствована изъ того же проэмія, вторая же — неизвѣстнаго происхожденія²⁹⁵). Весь эксцерптъ заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ рассказъ о тайной любви Зевса къ килленской нимфѣ, — о той любви, плодомъ которой былъ Гермесъ.

Какъ попалъ этотъ малый гимнъ въ гомерическій сборникъ, гдѣ онъ оказывается ненужнымъ и неполнымъ дублетомъ, — о томъ судятъ весьма различно. По мнѣнію Гроддека это ни что иное, какъ фрагментъ большого гимна, найденный, вѣроятно, составителемъ коллекціи въ одной изъ тѣхъ антологій, которыя были у него въ рукахъ, и по невѣжеству принятый имъ за самостоятельное стихотвореніе²⁹⁶). Мнѣніе это впрочемъ ни въ комъ не встрѣтило сочувствія, и всѣ послѣдующіе критики и комментаторы согласно признали семнадцатый гимнъ не за случайный обломокъ, а за намѣренно составленное извлеченіе. При этомъ они разошлись между собою лишь въ объясненіи цѣлей, съ которыми могло быть составлено подобное извлеченіе. Такъ напр. Шнейдевинъ готовъ былъ приписать его происхожденіе просто желанію одного изъ переписчиковъ наполнить остававшееся въ спискѣ пустое

²⁹⁵) Довольно правдоподобно предположеніе Зеека (ук. соч. стр. 379), что эта вторая клавзула попала въ текстъ съ полей, куда она могла быть занесена первоначально въ параллель къ первой, какъ ея варіантъ.

²⁹⁶) Groddeck o. l. p. 27.

мѣсто²⁹⁷). Съ другой стороны Баумейстеръ въ виду представляемыхъ стихотвореніемъ отличій отъ оригинала высказалъ догадку, что оно могло явиться результатомъ стараній какого нибудь грамматика исправить и стилистически выгладить первые стихи большого гермесава гимна и потому, вѣроятно, занимало въ архетипѣ мѣсто не въ самомъ корпусѣ сборника, а было приписано на поляхъ²⁹⁸). Съ этимъ согласился и Абель²⁹⁹). Напротивъ Гемолль принялъ за исходную точку сравненіе семнадцатаго гимна съ предшествующими ему въ нашемъ сборникѣ гимнами XV (къ Асклеію) и XVI (къ Діоскурамъ). Такъ какъ всѣ они трактуютъ сходные сюжеты (рожденіе того или другого бога), то по убѣжденію названнаго критика врядъ ли слѣдуетъ строго раздѣлять ихъ между собою какъ по роду, такъ и по времени возникновенія³⁰⁰). Дѣйствительно, что касается рода, то нашъ эксерптъ, очевидно, могъ удовлетворять тѣмъ же цѣлямъ агонистической практики, ради которыхъ сочинены были и гимны XV и XVI³⁰¹). Время же его составленія во всякомъ случаѣ неизвѣстно: если въ схоліяхъ къ Пиндару (Pyth. III, 8) цитируются стихи изъ гимна къ Асклеію (XV), то *terminus ad quem*, получаемый благодаря этой цитатѣ, страдаетъ слишкомъ большою неопредѣленностью.

²⁹⁷) Schneidewin Anm. zum h. Hymnus auf Hermes. Philolog. III, 660.

²⁹⁸) Baum. o. l. p. 187.

²⁹⁹) Abel Hymni, p. 96.

³⁰⁰) Gemoll o. l. p. 332.

³⁰¹) Срв. Seeck o. l. p. 378: „Dass ein Alexandriner oder Byzantiner seine eigenen Verse dem Homer unterzuschreiben versuchte, wäre denkbar; doch den Anfang des Hermeshymnus an anderer Stelle noch einmal abzuschreiben und ihn durch Hinzufügung einer viel gebrauchten Schlussformel zu einem selbständigen Proömium abzurunden, diese zwecklose Mühe hat sich gewiss kein Interpolator gegeben. Dagegen ist es sehr wohl möglich, dass irgend ein Rhapsode sich auf solche Weise aus dem langen Proömium ein kurzes zurechtschnitt und dieses zur Einleitung seines Vortrags gebrauchte“. Если это такъ, то XVII-й гимнъ дѣйствительно имѣетъ ту цѣну, которую признавалъ за нимъ Ильгенъ (срв. стр. 589).